

Опасность национальной идеологии

Рудольф Роккер

1930-1931

Между народом и нацией существует такая же разница, как между обществом и государством. «Общество, - говоря словами Томаса Пэйна, - в любом случае благо; государство же в лучшем случае необходимое зло, а в худшем случае - невыносимое зло». Общественная организация - это естественное образование, которое развилось снизу вверх под влиянием определенных закономерностей и в основе которого - учет общих интересов. Государственная организация - это искусственное создание, которое навязывается людям сверху вниз и единственная цель которого следует искать в защите привилегированных меньшинств общества за счет всех.

Народ - это естественный результат общественной организации, соединение людей, обусловленное большим или меньшим родством происхождения, общими формами и особенностями их культуры и общностью языка, обычаев, преданий и т. д. Эта общая черта живет и действует в каждом отдельном звене народного объединения и является важнейшей частью его индивидуального и коллективного существования. Его столь же невозможно создать искусственно, как и насильственно разрушить, разве что уничтожив все звенья народа. Народ может быть подчинен иностранному господству и искусственно сдерживаться в своем развитии, но никогда не удастся насильно удушить его естественные психические и культурные особенности и склонности. Напротив, именно под чужим игом они проявляются тем яснее и служат своего рода защитным средством для сохранения народного целого. Опыт, который имели англичане с ирландцами, австрийцы - с чехами и югославами, немцы с поляками, приводя только некоторые примеры, служат классическими доказательствами негибкого упорства чувства сопричастности народа, которая вытекает из его общественного существования. Евреев можно тоже привести здесь как типичный пример. Нередко мы видим даже, что если подавляемый народ в культурном отношении стоит выше, чем те, кто его подавляет, то последние, так сказать, напитываются их более высокой культурой. Так воинственные монгольские орды завоевали Китай и навязали китайцам императора, однако на протяжении нескольких поколений монголы превратились в китайцев, потому что их примитивная культура не могла сопротивляться величию и утонченности китайской. То же явление мы наблюдали в Италии, которая веками подвергалась нападениям орд варварских народов. Но высокоразвитая культура Италии снова и снова одерживала верх над грубой силой

варварства, которое в конце концов способствовало омоложению и новому оплодотворению этой культуры. И это совершенно естественно, поскольку насильственно навязать народу чужие обычаи, привычки и идеи столь же трудно, как втиснуть отдельного человека в тесные рамки чужой индивидуальности. Там, где имеет место естественное сближение и постепенное взаимное срастание различных народов, это происходит всегда добровольно и неосознанно путем естественной адаптации, но никогда путем грубого насилия.

Нация, однако, - это всегда искусственный продукт государственной организации, точно так же, как национализм в основе своей есть ни что иное, как идеология государства, своего рода политическая теология. Принадлежность к нации определяется внешними факторами и доводами государственного резона, за которыми, конечно же, всегда скрываются особые интересы определенных классов. Кучка политиков и дипломатов, исключительно приказчиков привилегированных меньшинств государства, по своему произволу принимает решения о национальном существовании и будущем конкретных групп людей, которые должны покориться велению их властей, не имея сами права на самоопределение. Так, например, жители нынешней французской Ривьеры однажды вечером легли спать итальянцами, а на следующее утро проснулись французами, потому что группа политиканов определила их судьбу. Тем самым их национальная принадлежность претерпела радикальные изменения, и то, что днем раньше было их величайшим достоинством, превратилось день спустя в самое черное преступление. Таких примеров в истории великое множество. Они характерны для всей истории развития современного государства. Достаточно посмотреть на идиотские и халтурные решения Версальского мира, - и вот вам лучшая иллюстрация того, как сегодня фабрикуются нации.

Факт состоит в том, что все крупные государства Европы состоят из десятков маленьких народов и народностей, которые часто даже отделены друг от друга по своему происхождению и языку, но были насильственно сплавлены в нацию династическими или экономическими интересами. Даже там где национальное объединение было проникнуто духом больших народных движений, как это имело место в Италии и Германии, в основе этих движений всегда лежала реакционная идея, которая закономерно должна была привести к самым плохим результатам. В этом смысле революционные методы, к которым часто прибегал национализм не меняют ничего. Мадзини и его сторонники были по своим методам, конечно же, революционерами, но их политические идеи и стремление к единому национальному государству были крайне реакционными и разрушительными для культуры. От «политической теологии» Мадзини до фашизма Муссолини - лишь один шаг. Взглянем на свежеспеченные государственные образования, возникшие в Европе после войны^{1*}. Те же самые национальные меньшинства, которые раньше не уставали жаловаться на насилия, чинимые над ними чужими угнетателями, сегодня, когда цель их стремлений достигнута, проявляют себя, как угнетатели национальных меньшинств в их собственных странах. Во имя национального освобождения они сбросили со своих плеч иго иноземного господства, чтобы взвалить на себя иго куда более тяжелое, чем прежде. Польша, Югославия и пограничные государства между Россией и Гер-

¹ Здесь и ниже идет речь о Первой Мировой войне.

манией - классический пример нашего утверждения. И это совершенно естественно, поскольку и малые государства всегда стремятся идти по стопам крупных и подражать их действиям. Лучшее доказательство того, что гармоничное сожительство народов в рамках нынешней государственной системы вообще невозможно.

Именно современное конституционное государство непомерно развило понятие нации. Абсолютная монархия, которая, так сказать, представляла фетишистский период в истории развития государства и в которой король был зримым выражением всей системы, относилась к широким массам своих бесправных подданных как к большому стаду, предназначенному на убой. По этой причине она лишь в редчайших случаях привлекала их к защите страны, которую она как правило доверяла армии профессиональных солдат. Только современное государство, которое якобы дало своим гражданам право участвовать в управлении благодаря дарованию избирательного права, развило идею нации до ее современных масштабов. Гражданин, которого гипнотизировали его новоприобретенными правами, должен был теперь взять на себя и обязанности, выросшие из этих мнимых прав. Избирательная урна стала жертвенным алтарем человеческой личности, избирательный бюллетень - актом о добровольном духовном и экономическом рабстве масс. Лишь французское якобинство создало абстрактное понятие государства и вместе с ним абстрактное представление о нации. С тех пор идея национального единства стала лозунгом большинства буржуазных партий, у которых ее, как и многое другое, унаследовали социалисты - государственники. Национальное единство стало синонимом культурного развития, символом народной жизни; любая угроза ему считалась угрозой национальной культуре. И эта сказка, которую молчаливо признали за правду, продолжается и сегодня смущать умы, хотя история доказывает нам как раз обратное. Именно периоды так называемой «национальной раздробленности» были до сих пор самыми великими культурными эпохами в истории, в то время как, напротив, периоды «национального единства» были эпохами культурного упадка и гибели.

Древняя Греция, совершенно раздробленная национально и политически, дала нам тем не менее культуру, которая и сегодня во многих отношениях представляется нам примером. А когда позднее Александр Македонский силой оружия установил греческое единство, культурные силы и творческие устремления страны иссякли, - они могли развиваться только в условиях свободы. Великий период вольных городов Средневековья был эпохой крайней национальной раздробленности, но именно в это время родилась культура, подобной которой в Европе с тех пор больше не было. Грандиозные памятники архитектуры, живописи и скульптуры того времени служат блестящим свидетельством этой великой фазы развития человечества. Но когда позднее государство подняло на развалинах этой культуры флаг «национального единства», последние остатки культурного величия растаяли, как снег на солнце, и в Европе разразились ужасающие войны началась эпоха опустошающего варварства. Бросим взгляд на историю Германии - и обнаружим там подтверждение того же исторического процесса. Все богатые достижения духовного величия и культуры в этой стране относятся ко времени ее так называемой «национальной раздробленности». Ее классическая литература от Клопштока до Шиллера и Гете, потрясающее искусство ее «романтической школы», ее классическая философия от Канта до Фейербаха пик ее классической музыки от Бетховена до Вагнера - все это относится к

тому времени. Но установление единого национального государства, пусть даже оно не было здесь осуществлено столь радикально, как во Франции, знаменует упадок культуры в Германии, иссякание творческих сил, триумф милитаризма и бездушной бюрократии, которая привела народ с некогда великими склонностями к чудовищной катастрофе, как безвольное стадо. И так было не только в Германии. История Италии, Испании, Франции, России и т. д. есть лишь повторение тех же самых исторических фактов. И это совершенно естественно. Государства не создают культуру, как это часто бездумно утверждают, зато они часто уничтожают ее. Государство и культура находятся в непреодолимом противоречии. Мощный государственный организм - самое большое препятствие для любого культурного развития. Больше всего процветает культура там, где государства умирают или сведены к минимуму. Политическое господство всегда стремится к единообразию и к подчинению всех областей общественной жизни одному определенному шаблону. Но тем самым оно вступает в непримиримое противоречие с творческими силами культурного развития, которое всегда ищет новые формы и воплощения и которое так же связано с бесконечным разнообразием, как политическая власть - с созданием шаблонов и с застывшими формами.

Между политическими властными стремлениями привилегированных меньшинств и культурной жизнью народа всегда идет внутренняя борьба, поскольку они имеют различную направленность, никогда не поддающуюся добровольному смещению и приводимую к видимой гармонии только посредством внешнего принуждения и духовного насилия. Если государству не удастся направить культурную деятельность в определенное, служащее его целям русло и тем самым прервать ее естественное развитие, то культура рано или поздно взорвет политические рамки, которые она воспринимает только как препоны. Но если аппарат политической власти достаточно силен для того, чтобы надолго загнать культурную жизнь в определенные, желательные для него формы, то она будет искать другие обходные пути, потому что ее невозможно привязать к каким-либо политическим границам. Государства никогда не погибают от якобы утонченности их культуры; они умирают от разрастания принципа политической власти, которому постепенно приносят в жертву все живые силы страны. Потому что проклятие власти состоит в постоянном стремлении расширять сферу своего господства, идет ли речь о власти церкви, государства или партии. Весь авторитет государства основан на этом принципе, который постепенно удушает все остальные силы и становится тем самым причиной внутреннего упадка. Рим погиб не от воздействий слишком утонченной культуры, как это часто утверждали историки, он погиб из-за своей собственной власти, которая, как и любая другая власть, стремилась постоянно расширять границы своего влияния и тем самым в конце концов развязала катастрофу своей собственной гибели.

Важное различие между культурой и властью состоит в следующем: каждая культура, не слишком сдерживаемая в своем развитии политическими препятствиями, ведет к постоянному обновлению творческого стимула, к растущему разнообразию творческой деятельности. Каждое удачное произведение пробуждает потребность в еще большем совершенстве и еще более глубоком воодушевлении. Культура всегда является творческой и всегда ищет новые формы деятельности. Власть, напротив,

никогда не бывает творческой; она лишь использует творческую силу культуры, чтобы прикрыть свою наготу. Она всегда действует разрушительно, постоянно стремясь втиснуть все явления социальной жизни в железный корсет своих законов. Форма ее духовного выражения - мертвая догма, ее метод - жестокое насилие. Бездушность ее стремлений накладывает неизгладимую печать на ее носителей и делает их самих бездушными и жестокими, даже если они первоначально имели самые лучшие задатки. Она раздраживает волю своих представителей до болезненных желаний, пока для них еще есть объект для покорения. Как только он исчезает, власть ищет удовлетворения в голой жажде наслаждений и в безумной растрате награбленного ею добра. Так было в Риме. Рим умер от своей болезненно обострившейся жажды власти, которая до последнего мешала любому культурному развитию и вела его к гибели. Государства могут умереть, культуры лишь преобразуются и принимают другие формы. Современное единое государство есть ни что иное, как воплощение принципа власти имущих классов, победа единообразия над богатым разнообразием народной жизни, триумф духовной дрессировки над естественным воспитанием и формированием характеров, вытеснение личного чувства голым мертвым повиновением, одним словом, - изнасилование свободы жестокой государственной властью и бездушными шаблонами.

Это ясно понял еще Прудон, адресовавший Мадзини, наиболее видному представителю идеи национального единства, следующие слова: «Любая первоначальная характерная особенность в разнообразных ландшафтах державы теряется при централизации, каково истинное имя этого национального единства. Большое централизованное государство конфискует всю свободу провинций и общин в пользу высшей власти, правительства. Что такое в действительности это единство нации? Превращение отдельных народных сообществ, в которых живут люди существенно отличающиеся друг от друга, в абстрактную нацию, в которой никто не может свободно вздохнуть и никто не знает другого. Когда людей лишают возможности распоряжаться собой, для поддержания всей этой огромной машины требуется чудовищная бюрократия, целый легион чиновников. Чтобы защищать ее изнутри и снаружи требуются постоянная армия, служащие, солдаты, наемники - таково будущее нации. Это грандиозное единство требует славы, блеска, роскоши, импозантных цивильных листов, послон, пенсий, доходных местечек. А кто оплачивает паразитов? Народ. Кто говорит о единой нации, тот имеет в виду нацию, проданную своему правительству... Это единство есть ни что иное, как форма буржуазной эксплуатации под защитой штыков. Именно так, национально-политическое единство в крупных государствах есть господство буржуазии. Отсюда страсть буржуазии к единому государству.» Гениальный француз прекрасно понял подлинную подоплеку всех т. наз. стремлений к единству. Он ясно предвидел то, чего до сих пор не могут увидеть наши современные социалисты - государственники, начиная от социал-демократов и кончая различными филиалами большевизма. Предвидел, потому что его взор не был затуманен слепой верой в государство как у партийных социалистов, которые так и не вылупились из яйца своих якобинских предков.

Так называемый «экономический национализм», который усилился в последнее время и проповедуется не только буржуазными экономистами, но и очень известными социалистами, вырос из тех же корней. Европейский капитализм сегодня

все больше вступает в конфликт с отдельными национальными хозяйственными системами, чьи узкие формы более не соответствуют его сегодняшним устремлениям. Возникновение и развитие международных трестов и картелей есть лишь попытка преодолеть ситуацию, созданную национальными и политическими понятиями прошлого. Но если из этого делают заключение, что экономический строй европейских народов должен быть перестроен и, что он должен строиться в соответствии с их особыми качествами и якобы присущим им от природы своеобразием, то это снова идеологическая посылка, не могущая скрыть своей подлинной цели. Мысль об ограничении производства различных стран только теми отраслями, к которым они якобы призваны волею судьбы благодаря их особым навыкам, и об исключении любой другой деятельности есть лишь оживление рассуждений старых английских экономистов, которые верили, будто природа создала одни народы только для промышленности, а другие - исключительно для сельского хозяйства. В действительности этот так называемый экономический национализм, который точно так же, как и политический национализм представляет собой прямое покушение на культурное развитие народов, проистекает из экономических интересов современного коллективного капитализма, который рассчитывает подобной переориентацией всей системы производства увеличить производительность хозяйства. Это должно стать рационализацией промышленности, распространенной не только на предприятия, но и на целые страны. Как в политическом национализме человек существует для нации, точно так же в капиталистическом мире он существует только для экономики^{2*}.

Мы - антинационалисты. Мы требуем права на свободное самоопределение для любой общины, любого региона, любого народа, и именно по этой причине мы отвергаем безумную идею национального единства. И мы федералисты, т.е. приверженцы союза свободных объединений людей, которые не отгораживаются друг от друга, а живут во взаимопроникновении и взаимообогащении, самым тесным образом срастаются друг с другом тысячами нитей духовной, экономической и культурной природы. Единство, к которому мы стремимся, это культурное и социальное единство, которое находит опору в постоянно растущем разнообразии форм его выражения. Это единство, которое проистекает из свободы всех человеческих отношений и принципиально отвергает любой механицизм и бездушное однообразие. Либертарный социализм всегда считал, что любой народ имеет право строить свою социальную и культурную жизнь по своему усмотрению и действовать как самостоятельное звено большого целого. В произведениях Прудона, Бакунина и Кропоткина это мнение нашло ясное и недвусмысленное выражение, но, по нашему мнению, эта позиция требует одного важного дополнения. Речь здесь идет не просто о чисто политическом или социально - этическом вопросе, но одновременно об определенных экономических предпосылках, которые только и могут обеспечить отдельным народным группам их политическую и культурную независимость. То, что человек рождается немцем, русским или французом, - это вопрос случая, так что здесь у него нет разумных оснований гордиться или печалиться. По этой причине

² Реалии мировой экономики существенным образом изменились с 1930-х гг., и потому экономический национализм сегодня проявляется в иных формах.

все искусственно сконструированные послышки так называемых расовых теоретиков и националистов всех категорий и оттенков с их безумными утверждениями о существовании избранных и неполноценных народов столь безмерно нелепы и крайне реакционны по своему практическому воздействию. Но случайно и то, что народ или народная группа в ходе своей истории поселились на территории, где позже обнаружили богатые природные ископаемые, вроде залежей угля и железа, нефтяных источников и т. д. Эта случайность не дает жителям этой области права на монопольное использование природных ресурсов, на то, чтобы держать другие народы или группы людей, обделенные такими дарами природы, в экономической зависимости от себя.

Мы переходим здесь к вопросу, который сейчас здесь может быть лишь вкратце затронут, но имеет большое значение для будущего развития человечества. Вся тенденция капиталистического экономического строя потому столь беспримерно антинародна и необычайно вредна для общества, что ее носители в различных странах преследуют ясную цель - подчинить господству своих монополий все богатства Земли, которые могли бы послужить благу людей. Так во время войны немецкая тяжелая промышленность силилась аннексировать железорудные копи Лонгви и Брие, чтобы создать континентальный горно-металлургический трест, и сотни тысяч людей должны были отдать свою жизнь за достижение этой цели. Но немецкие крупные промышленники проиграли игру, которую сегодня продолжают вести теми же преступными методами представители французской тяжелой промышленности, на сей раз за счет Германии. И каждая из сторон прикрывает эту политику доводами о «национальных интересах». Мы - социалисты в самом глубоком смысле этого слова. Поэтому мы придерживаемся принципа, что не человек существует для экономики, а экономика для человека. Поэтому мы рассматриваем всю Землю как единую экономическую область, открытую для деятельности всех, следовательно к ее природным богатствам должна иметь свободный доступ каждая человеческая группа. Интернационализация природных богатств - угля, нефти, железа и т. д.- это для нас одна из важнейших предпосылок для осуществления социализма и освобождения человечества от ига экономического, политического и социального рабства. Использование этих богатств должно быть с помощью взаимных соглашений обеспечено всем народным группам, иначе в истории утвердятся новые монополии и, следовательно, новое разделение на классы и экономическое порабощение со всеми его ужасными последствиями. Только так людям удастся разбить наголову нынешнюю капиталистически - националистическую реакцию и проложить путь к лучшему будущему.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Опасность национальной идеологии
1930-1931

Скопировано 22 декабря 2014 года с <http://www.aitrus.info/node/1088>
Выходные данные: Перевод по изданию: Rudolf Rocker. Aufsatzsammlung. Band 1.
1919-1933. Frankfurt a. M., 1980. Стр.157-162. Печатается в сокращении.

ru.theanarchistlibrary.org